

Брошюра-путеводитель по книге «Институциональные ограничения современного экономического роста»

Книга «Институциональные ограничения современного экономического роста» посвящена наиболее опасным препятствиям, которые стоят на пути к долгосрочному экономическому росту. Среди таких препятствий есть и относительно хорошо изученные, есть известные, но прочно забытые, а есть и по разным причинам игнорируемые.

Экономическая наука рассматривает поведение людей через призму их интересов и попыток максимизировать определенное благо в условиях ограниченных ресурсов. Интересы людей сильно зависят от «правил игры», установленных в стране и обществе, и от тех организаций и структур (от семьи до правительства), которые обеспечивают соблюдение этих правил. Большинство стран и народов живет в нищете и веками не может преуспеть в попытках «догнать» лидеров. В таких странах настоящим законом считается не писанный текст, а произвол правителя или лидера вооруженных групп. Ценность человеческой жизни для государства и общества в таких странах ничтожна, а потери и жертвы могут исчисляться тысячами, а то и миллионами.

Все экономисты согласны с тем, что надежно гарантированные права частной собственности являются необходимым условием для долгосрочного экономического роста. В странах же, где человеческая жизнь не является ценностью для государства, невозможно гарантировать права частной собственности, то есть невозможно обеспечить минимальные условия экономического роста.

Как большинство способствующих экономическому росту стимулов представляет логически взаимосвязанную систему, так и большинство препятствий на пути долгосрочного экономического роста имеют общие корни.

Предлагаемая Вашему вниманию книга, прежде всего, о проблемах, которые возникают в любой стране при попытках встать и удержаться на пути долгосрочного устойчивого экономического роста.

Существуют два основных подхода к решению проблем отношений между обществом и личностью.

Предпосылками первого подхода являются презумпция ограниченной дееспособности граждан и полная (значительная) информированность государства. В таком случае граждане нуждаются в защите от рынка и от свободной конкуренции. В

современном мире этот подход выражается в стремлении государства расширить свою сферу ответственности и полномочий так, чтобы в нее попадала поставка не только «чистых общественных благ», но и «смешанных общественных благ», а иногда даже и частных благ. При этом ответственность государства перед недееспособным гражданином минимальна, а контроль за поведением гражданина и частных организаций со стороны государства максимален.

В противоположность первому подходу, второй подход предполагает, что никто лучше самого индивида не решит его проблем. Несмотря на ограниченность информации, индивид может самостоятельно решать все свои проблемы, без вмешательства государства. Индивид также может сам исправлять сделанные им ошибки, если его жизни и свободе ничего не угрожает. Во втором подходе индивид рассматривается как полностью дееспособный, и никто лучше него самого не распорядится его собственностью. При этом подходе у государства единственная функция – предоставление «чистых общественных благ» (оборона, безопасность, правосудие).

В конце XVIII-го века В.Ф. Гумбольдт сформулировал соответствующие этим двум подходам цели государства: «желать способствовать счастью или только стараться предотвращать зло¹».

Со времен Адама Смита экономисты сравнивают передовые и отсталые страны, пытаясь объяснить успехи и провалы в экономическом развитии.

Для большей части человечества и большинства стран до сих пор актуальна проблема догоняющего развития. Поэтому очень важно подробное описание более или менее надежных путей развития. Для этого требуется понимание того, что необходимо перенять и что необходимо иметь (капитал, знания, разумные законы и т.д.), чтобы экономика начала устойчиво расти, причем более высокими темпами, чем в развитых странах.

В результате двух веков современного экономического роста², который распространился на заметную, но меньшую, часть человечества, разрыв между бедными и богатыми странами стал велик как никогда. В то же время большая (хотя и не бóльшая)

---

¹ Гумбольдт, 2009, с. 20. Далее, анализируя экономическое значение религии и идеологии, мы выделим религиозно-этические корни этих двух подходов.

² Современный экономический рост - устойчивое превышение темпов экономического роста над темпами роста населения, Kuznets, 1966

часть человечества живет на том же уровне благосостояния³, что и тысячу лет назад, то есть балансирует на грани выживания.

Проблемы существуют и у среднеразвитых стран. Среди них - Россия и Аргентина, которым, несмотря на ряд рывков, не удается пополнить список развитых стран или хотя бы значимо и регулярно сокращать отставание.

У экономистов есть уникальная возможность наблюдать и сравнивать бывшие социалистические страны, которые, стартовав примерно в одно время, внедряли у себя новые институты в надежде обеспечить условия для выхода на траекторию долгосрочного экономического роста. Такое сравнение интересно из-за разнообразия внедряемых институтов (от высококонкурентной демократии в Литве до традиционного режима в Туркмении; от «старомодного» и почти свободного рынка в Эстонии до вмешательства чиновников в руководство отдельными предприятиями во многих странах СНГ).

Анализ новейшей истории постсоциалистических стран, также как и сравнительный институциональный анализ экономической истории XIX-го и XX-го веков, может помочь выделить ключевые факторы экономического роста. Приток капитала сам по себе не гарантирует успешного «догоняющего» развития, также как его не гарантирует и импорт знаний и технологий. Приток капитала и импорт знаний и технологий могут оказаться малополезными без заимствования и укоренения эффективных институтов.

Существуют ли институты, позволяющие превратить отсталую экономику в быстрорастущую и, в последствии, высокоразвитую⁴? Если существуют, то каковы эти институты, и каковы условия их эффективности? Ответы на поставленные вопросы таковы, что **наиболее важными институтами являются защита частной собственности и неприкосновенность личности**. Неприкосновенность личности подразумевает наличие пакета основных "политических" прав, таких как свобода слова, свобода мысли и совести и т.п. Влияние же таких институтов как законодательство о предпринимательстве (регистрация, лицензирование, банкротство), налогах, регулировании фондового рынка и т.п. является ограниченным (см. Приложение 1).

---

³ 400-600 долларов 1990 г. – Maddisson, 2001, 2003

⁴ Речь идет только о тех институтах, которые давно и хорошо зарекомендовали себя в других странах, а не о конструкциях собственного изобретения.

Эти выводы получены, на основании сравнительного и статистического анализа институтов в различных странах мира за последние 180-200 лет⁵, а также институтов посткоммунистических стран в 90-е годы XX века⁶.

Основные определения

В настоящей работе будет использован ряд понятий, которые нуждаются в уточнении. Это, прежде всего, понятия: институт, конституция, общество «Rule of Law», общество «Rule of Force» и современный экономический рост.

Дуглас Норт дал следующее определение понятию “институты”:

«Институты – это правила игры в обществе или, более формально, созданные человеком ограничения, формирующие человеческие взаимоотношения»⁷.

Не вдаваясь в идеологические и философско-религиозные споры относительно источника законов, отметим некоторые обстоятельства:

- Институты, построенные на естественно–правовых принципах, оказались эффективнее институтов, построенных на позитивистских принципах⁸;
- Некоторые рациональные субъекты полагают, что какие-то ограничения даны не человеком, а высшим существом, и это убеждение значимо влияет на законы и правоприменительные практики.

Концепция естественного отбора институтов Хайека также подразумевает то, что человек не способен рационально построить экономически эффективную этическую и правовую систему, основываясь лишь на собственном и историческом опыте⁹. По крайней мере, вся система норм не может быть рационально и сознательно построена индивидом или группой даже сознательно координирующих свои усилия индивидов. Чтобы не обсуждать в данной работе проблему первичности материи или сознания, введем несколько более общее определение понятия «институты»:

---

⁵ К.Э. Яновский С.Г. Шульгин «Институты, демократия и экономический рост: тест 180-летнего развития», 2008 г., а также см приложение 1.

⁶ Мау, Яновский, Жаворонков и др., 2003

⁷ «Institutions are the rules of the game in a society or, more formally, are the humanly devised constraints that shape human interaction D.C. North, 1990 стр. 3 (“Institutions, Institutional Change and Economic Performance”)

⁸ «Позитивистские», основанные на понятии закона, как функции власти, принципы не могли обеспечить стабильности и гарантий прав субъектов рынка. И англо-американская, и французская система новых (начиная с XVIII-XIX вв.) институтов базируются на допущении о надгосударственном, надвластном происхождении основных законов и прав и на отсутствии права у государства изменять эти основные законы, ограничивать основные права.

⁹ «Пагубная самонадеянность», М., «Новости», 1992 стр. 61-63 о ключевых институтах и 47-48 об эволюционном отборе институтов.

Институты – это признаваемые человеком ограничения, формирующие человеческие взаимоотношения.

Расширяя определение Д. Норта, мы включаем в рассмотрение и институты, которые базируются на библейских моральных нормах. Эти институты являются общепризнанными и легитимными независимо от воли властей.

Под «импортом институтов» будем понимать сознательное копирование (не обязательно точное) известной нормы, а также инструменты для ее реализации. **Нормы** – это любые предписания или запреты на совершение каких-либо действий.

Общество «Rule of Law» - это общество, которое управляется в соответствии с общеизвестными правовыми нормами¹⁰. Эти нормы основаны на приоритете базовых индивидуальных прав и свобод над коллективными и государственными интересами. В таком обществе надежно обеспечиваются необходимые гарантии индивидуальных прав и свобод, в том числе, с использованием силового принуждения. Среди таких гарантий независимость суда, которая обеспечивается законами и традициями. Она проявляется в том, что государство в лице высших должностных лиц и органов власти может проиграть в суде¹¹ частному лицу общественно значимый процесс¹².

Пакет институтов – это совокупность норм и учреждений, сложившихся исторически как единые комплексы и имеющих общую идеологическую базу. Компонентами пакета институтов могут быть те или иные традиции, религия, церковные организации, мораль, тип семейных отношений, различные законодательные конструкции. Однако невозможно точно указать, какие из них имеют решающее значение для успехов или провалов в экономическом развитии общества, которое использует конкретный пакет инструментов. Но мы можем анализировать практику внедрения конкретных пакетов институтов. Какие-то из них дают положительные результаты и обеспечивают выход на траекторию долговременного экономического роста, а какие-то – нет.

---

¹⁰ При этом нормы могут быть неписаной, но общепринятой традицией; могут основываться на прецедентном решении суда; или могут существовать в виде формально принятого закона.

¹¹ Примером может служить решение Верховного Суда США о незаконности процедуры принятия решений о задержании террористов на военной базе Гуантанамо, которое создало серьезные проблемы для администрации США. Решение по делу *Hamdan vs. Rumsfeld, 04-70*. Решение от 29 июня 2006 г.

¹² Упоминание о таком процессе легко будет найти в архивах прессы. Проигрыш в суде государственного учреждения или предприятия по трудовому спору или по имущественному спору (то есть по малозначимым вопросам) мог иметь место и в тоталитарных государствах, включая СССР. Например, случаи восстановления на работе по решению суда и тогда не были редкостью, причем истцом по таким делам выступало физическое лицо, а ответчиком - государственное предприятие.

Иногда реальное формирование пакетов институтов происходит на выборах, когда партия предлагает, а избиратель выбирает не один определенный институт, а целый пакет. В развитых странах существует консенсус по поводу базовых ценностей. Поэтому партии дискутируют по поводу соотношения налогов и социальных программ (чуть выше налоги и больше социальных программ или чуть ниже налоги и меньше социальных программ) и акцентов в структуре поставляемых общественных благ (больше обороны и безопасности или больше государственных расходов на здравоохранение и образование). Базовые же институты не обсуждаются. Например, в современном информационном обществе нет проблемы соотношения: «право на жизнь (безопасность) или свобода слова». В переходных странах консенсус относительно базовых норм еще не сложился, поэтому обсуждаемые пакеты институтов могут фундаментально отличаться друг от друга. Одни пакеты могут содержать набор институтов, характерный для тоталитарного государства, другие - наборы институтов общества «Rule of Law».

Свободные выборы – это выборы органов власти, проходящие при наличии оппозиционной прессы и свободы союзов. Органы власти обладают полномочиями, ограниченными только правами граждан и иных частных лиц, что, как правило, зафиксировано в конституции. Такими выборами являются выборы, проводимые при заявительном порядке регистрации партий, блоков, кандидатов; физической безопасности их агитации; прозрачном подсчете голосов, а также при отсутствии возможностей и прецедентов произвольного недопущения к участию в выборах партии, представленной в парламенте или имеющей рейтинг заведомо достаточный для участия в выборах¹³. Свобода выбора в обязательном порядке предполагает гарантии физической безопасности избирателей, как в ходе самих выборов, так и по их итогам¹⁴.

Оппозиционной считается **пресса**, обвиняющая главу исполнительной власти или в противозаконных действиях, или в аморальных действиях, или в опасной для общества и страны неэффективности, ненадлежащем исполнении своих обязанностей. В связи с этим он должен быть переизбран (отозван со своего поста).

Учитывая распространенность в данной работе терминов «**переходная экономика**» и «**страна с переходной экономикой**», акцентируем внимание на том, какая именно страна является «переходной». В данном случае критерий достигнутого уровня

---

¹³ Механизм выборов при этом принципиальной роли не играет (мы полагаем, что при наличии реальной политической конкуренции все игроки адаптируются к любому законодательству о выборах). Речь идет только о реальном работающем механизме принятия коллективных решений и смены власти.

¹⁴ О последствиях отсутствия гарантий – см. Яновский, Жаворонков, Затковецкий, 2007.

ВВП на душу населения не уместен в качестве основного. Например, высокие цены на нефть могли сделать Саудовскую Аравию богатой, но никак не «развитой», в полном смысле этого слова, страной, как ранее благоприятная конъюнктура сделала богатой Аргентину, которая не сумела удержаться среди наиболее богатых стран XX-го века. Поэтому страна с переходной экономикой – это, прежде всего, страна, институты которой не обеспечивают эффективного функционирования рыночной экономики.

Под современным ростом мы понимаем устойчивое превышение темпов экономического роста над темпами роста населения. В прежние эпохи периоды экономического роста приводили, главным образом, к быстрому росту населения. В последние века характерной чертой экономического роста является обратная связь между темпами роста населения и ВВП. Такая связь между этими показателями и поставила в центр внимания страны и их институты.

Конституция – это набор ценностей и норм, глубоко укоренившийся и принятый подавляющим большинством агентов. Эти нормы применяются с минимальными (близкими к нулевым) издержками, т.к. их принимает подавляющее большинство агентов. «Укоренившийся набор» означает, что изменение норм происходит с максимальными издержками¹⁵.

Общество «Rule of Force» - это общество, в котором власть легитимизирует себя исключительно силой и готовностью применять насилие в критической ситуации. В странах с такими порядками законы вытесняются правом власти применять силу. Сила и есть главный закон в обществе «Rule of Force».

Под базовыми индивидуальными правами и свободами понимаются: неприкосновенность личности, в широком смысле слова, включая не только право на жизнь, но и неприкосновенность личности, публично критикующей власть или исповедующей религию неодобряемую властью; частная собственность, включая свободу ценообразования и свободу торговли. Это набор прав и свобод в точности совпадает с набором «естественных прав», описанных Локком¹⁶. Общество может ограничивать

---

¹⁵ Изменение может занимать десятки лет. Так, библейские ценности, лежащие в основе институтов США, изменены быть не могут. Изменения Конституции США, не как формального юридического акта, а как совокупности норм, в среднесрочном периоде осуществлены быть не могут, поскольку нуждаются в изменении «мягкой инфраструктуры» (подробнее см. W. Niskanen The soft infrastructure of a market economy, CATO Journal; Fall 91, Vol. 11 Issue 2, p. 233)

¹⁶ См. «Concerning civil government, second essay», <http://www.swan.ac.uk/poli/texts/locke/> Пункт 87 в 7-й главе “Of Political or Civil Society”: “87. **Man being born, as has been proved, with a title to perfect freedom and an uncontrolled enjoyment of all the rights and privileges of the law of Nature, equally with any other man, or number of men in the world, hath by nature a power not only to preserve his property- that is, his life, liberty, and**

упомянутые права исключительно с целью предотвращения нанесения ущерба одними частными лицами другим и лишь на основе законов.

Базовые институты - это совокупность базовых индивидуальных прав и свобод, норм и правоприменительных структур, гарантирующих их соблюдение¹⁷. Базовые институты приоритетны с точки зрения заимствования, строительства, укоренения и защиты.

Для того чтобы представлять издержки такого заимствования, строительства, укоренения и защиты, необходимо оценить отношение к ним большинства агентов, их готовность следовать или сопротивляться новым правилам. В связи с этим необходимо рассмотреть следующее определение.

Спрос на институты (выявленный) (revealed demand for the institutions) – это действия населения, способствующие становлению определенных наборов институтов (голосование за партии, поддерживающие тот или иной набор институтов, участие в деятельности этих партий, участие в акциях с требованием введения или отмены определенных норм и т.п.). Величина спроса на институты может быть как положительной, так и отрицательной.

Следующие два определения понадобятся для более полного понимания спроса на институты (выражающегося в электоральном поведении). Эти определения описывают два основных «идеальных типа» политиков.

«Левый политик» в данной книге - это некоторый «идеальный тип» политика в демократическом правовом государстве, который выступает за расширение функций государства за пределы поставки чистых общественных благ. «Левый политик» рассматривает эти новые функции (поставку смешанных общественных благ, контроль за поведением граждан и рынками) как основные для современного государства. Он считает, что для «богатых» должны быть более высокие налоги, чем для «бедных», налогообложение должно быть прогрессивным. «Левый политик» также выступает против паушальных налогов (когда с каждого налогоплательщика взимается одинаковая сумма налога). Исходя из презумпции ограниченной дееспособности граждан и презумпции полной информированности государства, «левый политик» считает, что граждане

---

estate...” (Человек рождается свободным, как это было доказано, с пожалованными совершенной свободой и неконтролируемой возможностью пользоваться правами по привелегии и в силу закона Природы, равно как и любой другой человек или группа людей в мире, имея природное право не только защищать принадлежащее ему – то есть свою жизнь, свободу и имущество...)

¹⁷ Независимый суд (независимость судей, их несменяемость, высокие издержки отстранения); прозрачная деятельность правоохранительных органов.

нуждаются в защите от рынка и от свободной конкуренции. Соответственно, такой политик уверен в пользе государственного регулирования, и любые провалы такого регулирования объясняет его неполнотой и невсеохватностью.

Иными словами, «левый политик» с подозрением относится к частной собственности и свободе контракта, предпочитает равенство результатов равенству возможностей. Такой политик уверен в способности государства справляться с задачами поставки смешанных общественных благ лучше рынка и частных неправительственных организаций.

«Левый политик» выступает за ограничения:

- свободы потребительского выбора (под видом «защиты потребителя»);
- свободы слова путем поддержки «общественного» теле и радиовещания, ограничения свободы высказываний для СМИ (под видом «политической корректности») и т.п.
- свободы совести (то есть государством навязывается то или иное отношение к каждой религии);
- свободы ношения оружия и права человека на самозащиту, защиту собственного достоинства и собственности¹⁸.

«Правый (консервативный) политик» – обладает зеркально противоположными «левому политику» взглядами и предпочтениями. Он полагает, что единственными функциями государства является поставка чистых общественных благ (то есть государство выполняет лишь функцию «ночного сторожа»). «Правый политик» выступает за минимальное налогообложение по плоской ставке и поддерживает паушальное налогообложение. Он полагает, что только свободный медиа-рынок обеспечивает свободу слова и, поэтому, выступает против любой активности государства в этой сфере¹⁹. «Образцовое» для «правого политика» государство не вмешивается в частные дела, будь то бизнес, община или семья. «Правый политик» является сторонником свободы ношения оружия.

---

¹⁸ По совокупности этих признаков такого политика в консервативной прессе иногда называют коммунистом. Однако, следует оговориться, что заметное количество таких политиков проявляется после конца 1960-х гг. Левые политики демократических стран начала – середины XX-го века зачастую выступали против частной собственности и свободы предпринимательства, но редко демонстрировали комплексное отторжение всех базовых институтов. Такое отторжение, хотя и в мягкой форме, характерно для левых политиков последних четырех десятилетий.

¹⁹ Против установления административных барьеров при входе на рынок, против государственных расходов для поддержки отдельных СМИ.

Обобщая, «правый политик» - это классический либерал образца XVII - конца XVIII века, который отличается нейтральным или позитивным отношением к религии.

Под «закрытой демократией» в данной книге понимается политический режим, проводящий формально конкурентные выборы. При этом возможности у большинства избирателей изменить голосованием политику властей в рамках Конституции не существует из-за ограничений, налагаемых неизбираемыми институтами, такими как: судебная система, правоохранительные органы, СМИ, армия.

О причинах богатства народов

Фундаментальным условием неприкосновенности частной собственности являются гарантии неприкосновенности личности. Этот вывод подтверждается результатами сравнительного межстранового анализа институтов за последние два века и анализа институтов стран с переходной экономикой²⁰. Только не опасаясь за свою жизнь и произвольного ареста, экономический агент склонен сосредотачивать свои усилия на производительной деятельности, защищать свою собственность в случае необходимости, отстаивать свои права и законные интересы в любой сфере деятельности, а не искать возможности бизнес-эмиграции.

Уверенность в том, что успех, выраженный в наличии лучшего, чем у полицейского, дома; более дорогой, чем у мэра, машины; более красивой, чем у губернатора, жены, не вызовет со стороны вышеперечисленных персон карательных действий, является необходимым условием для распространения частной инициативы. Иначе - любые формальные гарантии свободы частного предпринимательства и защиты частной собственности ничего не стоят.

Ускоренное развитие авторитарных стран часто оказывается неустойчивым²¹. Страны же, которые гарантируют реальную неприкосновенность личности, в противоположность, не только успешно развиваются сами, но и способствуют ускорению экономического роста во всем мире (знаниями, капиталом, институтами).

Почему устойчивые системы оказываются неустойчивыми

Одним из главных вопросов данной книги является вопрос о том, почему оказалась нестабильной классически либеральная система компактного государства – «ночного

---

²⁰ К.Э. Яновский С.Г. Шульгин «Институты, демократия и экономический рост: тест 180-летнего развития», 2008 г., а также см приложение 1.

²¹ Przeworski et al., 2000, см. также Приложение 3 к Главе 5

сторожа» XIX века. В то же время мы не намерены соревноваться с Л. фон Мизесом и Ф.Хайеком, А.Смитом, Ш.Монтескье, Ф.Бастиа, Р.Кобденом в объяснении причин фиаско социалистических и этатистских систем.

О причинах бедности народов

При анализе конкретных примеров воспользуемся доказательством «от обратного». Мы рассмотрим, к чему приводит отсутствие гарантий безопасности личности и имущества.

Р. Пайпс отметил²², что любой деспот относит любое имущество и любую жизнь на подконтрольной ему территории к своей собственности. Институты, функционирующие на данной территории, полностью исключают гарантии безопасности личности и имущества, таким образом эффективно «предотвращая» долгосрочный экономический рост. Подобное отношение к людям и собственности было свойственно и Гитлеру, который на вопрос, почему он не социализирует собственность в Германии, отвечал, что он уже социализировал людей.

Современные разбойники: группы специальных интересов

В правовых демократиях не переводятся люди, имеющие явно выраженные склонности к социальному паразитизму, то есть считающие самостоятельный труд и заработок чем-то малопrestiжным. Действуя в рамках закона, эти люди пытаются осуществить частичный «захват» государства с тем, чтобы использовать его для извлечения собственной выгоды.

Поведение групп людей, которые специализируются на насильственном перераспределении «в рамках закона», мы начнем подробно рассматривать ниже, в обзоре, начиная с работ М.Олсона, который ввел и подробно описал понятие «групп специальных интересов».

Эти группы людей ищут возможность ограничивать и регулировать рынок, в том числе с применением силы, посредством захвата государства, то есть внедрения в его институты. Сила, которую они применяют, «узаконена» выборами и современной судебной процедурой. Важно отметить, что это куда большая сила, нежели та, которая доступна любой гангстерской банде или «бродячему бандиту».

---

²² Р. Пайпс, 2000 г. главным образом на примере России

У групп специальных интересов («современных банд») нет долгосрочной заинтересованности, и именно поэтому они способны относительно быстро приводить в упадок целые отрасли и угрожать перспективам продолжения устойчивого экономического роста крупных развитых стран²³.

К сожалению, Россия, еще не построив институты правовой демократии, уже успела обзавестись значительным числом влиятельных групп специальных интересов.

Почти за каждым избыточным регулированием и иным вмешательством государства в жизнь частных лиц (рыночных агентов) стоит группа специальных интересов. Благосостояние этих групп увеличивается ценой потерь для общества. Самая большая потеря – снижение возможностей экономического роста.

Эта проблема – интерес специальных групп против возможностей экономического роста – характерна не только для обществ «Rule of Law», а также и для обществ «Rule of Force». Разница в том, что в обществах «Rule of Force» спектр воздействия на частных лиц существенно шире и включает самые разнообразные формы насилия. Соответственно, шире и возможности изъятия ресурсов. Однако, самих ресурсов, как правило, меньше, потому что общества «Rule of Force» небогаты.

Институты общества «Rule of Law» ограничивают деятельность политиков и групп специальных интересов, направленную на извлечение административной ренты. В обществе же «Rule of Force», где власть основана на насилии, нет никаких ограничений деятельности перечисленных выше групп людей, направленных на извлечение собственной выгоды в ущерб экономическому росту.

---

²³ Например, коалиции мелких перевозчиков пролоббировавшие регулирование железнодорожного транспорта в 30-70-е гг. XX века в США; профсоюзы в автомобилестроении XX- начале XXI века там же - см. подробнее в Главе о группах интересов.

О структуре книги

Все счастливые семьи похожи друг на друга,
каждая несчастливая семья несчастлива по-своему
Л.Толстой «Анна Каренина» (ч. 1, гл. I)

Как и счастливые семьи, устойчиво экономически успешные в долгосрочном периоде государства имеют больше общего, нежели отличий. Все они надежно защищают частную собственность каждого гражданина и каждой фирмы, даже если гражданин неприятен лично президенту, премьеру, губернатору, королю или иному «сильному человеку». Суд и закон в таких обществах сильнее самого сильного лидера и потому, как отмечал еще Адам Смит²⁴, дает самый сильный стимул к развитию всех видов экономической деятельности.

В то же время, путей и способов предотвращения долгосрочного стабильного экономического роста за тысячелетия человеческой истории изобретено множество. И процесс изобретения новых, кажется, невозможно остановить. «После краха коммунизма ... все в мире ...согласны, что социализм – был провалом..., капитализм - ... успехом. Забавно, что все западные страны сделали из этого очевидный вывод, что Западу нужно больше социализма» - недоумевал в 1993-м году М.Фридман²⁵.

Описанию и анализу всевозможных способов и институциональных препятствий, которые могут заблокировать экономический рост, посвящены первые три раздела книги.

Первый раздел рассматривает проблемы, с которыми сталкиваются отсталые страны, пытающиеся догнать передовые. Наиболее распространенной проблемой таких стран (прежде всего постсоветских) является отставание институтов, которые обеспечивают правопорядок и правосудие.

---

²⁴ "...but above all, that equal and impartial administration of justice which renders the rights of the meanest British subject respectable to the greatest, and which, by securing to every man the fruits of his own industry, gives the greatest and most effectual encouragement to every sort of industry." Book 4, Chapter VII "Of colonies", part III "Of the Advantages which Europe has derived from the Discovery of America, and from that of a Passage to the East Indies by the Cape of Good Hope"

http://www.richmondfed.org/publications/economic_research/the_relevance_of_adam_smith/

«... прежде всего, честная и беспристрастная правовая система, которая делает права низших в Британии ... уважаемыми высшими и которая, обеспечивая охрану плодов труда и предприимчивости каждого человека, дает самый сильный стимул к развитию всех видов экономической деятельности».

²⁵ "After the fall of communism, everybody in the world agreed that socialism was a failure. Everybody in the world, more or less, agreed that capitalism was a success. The funny thing is that every capitalist country in the world apparently concluded that therefore what the West needed was more socialism." "The Real Free Lunch: Markets and Private Property" *Speech given at the opening of the Cato Headquarters in Washington, D.C., May 6, 1993.* <http://www.cato.org/speeches/sp-mf050693.html>

Первая глава посвящена анализу проблемы отставания институтов и рекомендациям по ее разрешению на основании опыта старых правовых демократий.

Во второй главе рассматриваются проблемы влияния групп специальных интересов на СМИ и систему образования.

Третья глава рассматривает деятельность групп специальных интересов как фактор, препятствующий экономическому росту.

Второй раздел посвящен анализу способности государства поставлять чистые общественные блага (оборону, безопасность, правосудие) при непредсказуемых внешних воздействиях.

Четвертая глава посвящена политическому насилию, стимулам такого насилия (террора) и возможным стратегиям блокирования таких стимулов.

Пятая глава посвящена анализу институтов финансового рынка и их связи с экономическим ростом.

Шестая глава рассматривает ситуации, в которых демократическое государство становится экономически независимым от избирателя и поэтому теряет стимулы защищать его.

Седьмая глава анализирует проблемы, связанные с адаптацией мигрантов. Акцент сделан на анализе стимулов мигрантов принимать, поддерживать или подрывать эффективные институты правовых демократий (обществ «Rule of Law»).

Третий раздел посвящен некоторым возможным последствиям кризисов, рассмотренных во втором разделе, а также кризису института семьи.

В восьмой главе показана неустойчивость институтов авторитаризма и их ограниченная эффективность во всем, кроме обеспечения краткосрочной и среднесрочной политической стабильности.

Девятая глава рассматривает влияние новых идеологий XXI века (феминизма, мультикультурализма и т.п.) на институты, благодаря которым западный мир стал богатым и свободным.

Десятая глава посвящена анализу феномена ограниченной («закрытой») демократии. Это демократия с сильно ослабленной политической конкуренцией, при которой избиратель может выражать недовольство властью, но бессилён заставить власть отказаться от ее политики или сменить власть на выборах. В главе показано, что ослабление политической конкуренции связано с ослаблением конкуренции на медиарынке.

В одиннадцатой главе рассматривается кризис института семьи. В ней показывается, как кризис семьи подрывает возможность воспроизводства спроса на институты правовой демократии и поддержания доверия в экономике.

Четвертый раздел призван обосновать рекомендации по преодолению кризисов и укреплению институтов, обеспечивших современный экономический рост. Эти рекомендации нацелены на предотвращение новых угроз устойчивости данных институтов.

Двенадцатая глава анализирует роль «неформальных» институтов и, прежде всего, морали. На исторических примерах показана роль морали в поддержании основных институтов капитализма.

Глава тринадцать сравнивает институты демократии всеобщего избирательного права с институтами демократии налогоплательщика.

В заключении приведены основные выводы и наиболее общие рекомендации по поддержанию институтов, способствующих экономическому росту.

К Главе 1. Отсутствующее государство: провалы правовой системы, зависимые и коррупцированные суды, полиция и спецслужбы

Глава 1 посвящена провалам государства в странах с переходной экономикой и слабой демократической традицией при поставке «чистых общественных благ» (оборона, безопасность и правосудие). Иными словами, тема этой главы – институты, создающие саму возможность существования реальной, а не только номинальной, частной собственности, т.е. таких гарантий частной собственности, которые распространяются как на самого частного собственника, так и на его имущество. Подобные гарантии дают возможность для четкого определения границ собственности.

В *Приложении 1* предпринята попытка оценить по статистике ВВП, начиная с 1820 г., влияние таких гарантий на экономический рост. Государство, власть которого ограничивается независимым судом, лучше защищает права собственника.

Независимый суд подразумевает независимость судей, их несменяемость, высокие издержки отстранения. Независимость суда обеспечивается законами и традициями и проявляется в том, что государство, в лице высших должностных лиц и органов власти, может проиграть в суде частному лицу общественно значимый процесс. Наличие или отсутствие независимых судов учитывается как логическая переменная. При наличии независимых судов, гарантирующих неприкосновенность собственника и частной собственности, обеспечивается долгосрочная стабильность темпов экономического роста.

При их отсутствии, когда не гарантируется неприкосновенность собственника и частной собственности, зачастую темпы экономического роста оказываются намного ниже, чем при наличии независимых судов, так как развитие происходит рывками: заметные ускорения сменяются резкими снижениями темпов роста.

Так, подушевой ВВП России последние два века не приближается к странам-лидерам. Отношение ВВП России к аналогичному показателю Великобритании в 1820 г. превышало 40% (по паритету покупательной способности – см. *табл. 1*). В дальнейшем, несмотря на все отчаянные попытки и невероятно высокую цену индустриализации, отставание не сократилось. Аналогична ситуация и для Китая.

Таблица 1

**Отношение ВВП России и Китая к ВВП стран-лидеров
(в %, по паритету покупательной способности)**

	1820 (Великобритания)	1900 (США)	1913 (США)	2006 (США)
Россия	40,5	30,2	28,1	22,0
Китай	35,3	13,3	10,4	19,5

Источник: Мэддисон, 2009 http://www.ggdс.net/maddison/Historical_Statistics/horizontal-file_09-2008.xls.

Современное представление о полноценной частной собственности включает предпосылку о неприкосновенности собственника. Без нее отличие частной собственности от средневекового «условного держания» становится малозаметным.

Неприкосновенность собственника обеспечивается поставкой государством трех классических «чистых общественных благ»:

- оборона (защита собственника от внешней агрессии),
- безопасность,
- правосудие (защита собственника от произвола и насилия внутри страны).

Создание и поддержание боеспособной армии, некоррупцированных правоохранительных органов и независимого, подчиненного только закону, суда являются задачами первостепенной важности при проведении реформ. Эти «чистые общественные блага» крайне важны для долгосрочного экономического роста.

В России качество судебной системы и правоохранительных органов в России остается низким, даже несмотря на целый ряд попыток реформ и на отдельные достижения. В первой половине 1990-х годов основное внимание реформаторов было приковано к экономическим преобразованиям – финансовой стабилизации и приватизации. Отсутствие финансовой стабилизации угрожало немедленным социальным

взрывом и экономическим коллапсом. Приватизация имела уже готовые варианты реализации, которые были опробованы другими постсоциалистическими странами.

Понимание важности реформ судебной системы и правоохранительных органов пришло позднее (во второй половине 1990-х гг.). Значимые и прочные достижения в создании благоприятного делового климата оказываются невозможными без этих реформ.

В *Главе 1* обосновывается выбор набора институтов, как судебных, так и правоохранительных, на основе институтов, сложившихся в развитых странах. Часть из них была впервые заимствована еще в ходе реформ Александра II и успешно работала в России в течение десятилетий.

При проведении реформ судебной системы и правоохранительных органов необходимо быть готовым к подавлению окрепших за последние 15–20 лет групп специальных интересов. Проблемы, связанные с деятельностью таких групп при проведении реформ, рассмотрены в *Главах 2, 3*.

К Главе 2 – Кривое зеркало

Могут ли отсутствие свободы слова, монополизированный медиарынок и политизированное образование воспрепятствовать экономическому росту? Ответ однозначен – да, и весьма существенно. Управляемые или пристрастные СМИ и превращенное в канал пропаганды образование не только наносят урон воспроизводству качественного человеческого капитала, но также ослабляют гарантии неприкосновенности личности, без которых, как было показано в *Главе 1*, невозможно надежно защитить частную собственность.

Государственные, «общественные» или просто зарегулированные государством СМИ из конкурирующих источников информации превращаются в навязывание зрителю системы патерналистских взглядов (взглядов, присущих идеальному «левому политику»). Государственная школа и политизированные профсоюзы учителей, которые являются типичными для развитых стран, снимают с учителя ответственность за качество образования. При этом на учителя возлагается обязанность навязывать ученикам то или иное идеологическое направление. Вполне возможно, что эта проблема в будущем станет актуальной и для России. Вслед за агрессивными профсоюзами на крупных предприятиях будут создаваться их аналоги в системе образования.

Разрушение конкурентного медиарынка ослабляет демократические институты и принципы, что сводит на нет политическую конкуренцию и разделение властей. Сведение

на нет политической конкуренции и разделения властей, в свою очередь, ведет к ослаблению гарантий частной собственности. Последствия слабости таких гарантий описаны выше и в *Приложении 1*.

Кроме того, несовершенный медиарынок не обеспечивает прозрачности как государственных, так и частных учреждений и организаций, и поэтому ведет к снижению уровня доверия рыночных агентов друг к другу, переоценке в сторону повышения рисков сделок, а следовательно, к отказу от значительной части потенциально прибыльных сделок. Отставание стран ЕС по темпам экономического роста от США в последние десятилетия отчасти объясняется именно плохим качеством медиарынка, а не только более сложным регулированием и тяжелым налоговым бременем. Исследования показывают, что существует заметная положительная корреляция экономического роста на региональном уровне и наличия свободных СМИ в регионе²⁶.

Искажение функций школы ведет, помимо описанных эффектов размывания демократии, еще и к снижению качества рабочей силы. Из-за нехватки специалистов должной квалификации приходится отказываться от части проектов. Следовательно, цены на услуги этих специалистов становятся завышенными по сравнению с нормальной ситуацией. Лидерство США в науке и технике, в динамике и объемах продаж интеллектуальной собственности, частично может быть объяснено преимуществами медиарынка США.

К Главе 3 «Современные разбойники – группы специальных интересов и торможение экономического роста»

Богатство конкретного индивида далеко не всегда прирастает благодаря его трудолюбию и талантам, которые приводят к возникновению платежеспособного спроса на его товары и услуги на свободном рынке. Сильный, жестокий и не обремененный ограничениями (правовыми и моральными) субъект может просто силой отобрать все, что захочет. В *Главе 1* уже подчеркивалось, что для успешного ведения дел ключевую роль играет сохранность жизни, здоровья, свободы и безопасности собственника. Это, в свою очередь, обеспечивает благоприятный бизнес-климат. В следующей главе мы подробнее

---

²⁶ В. Мау, К. Яновский, С. Жаворонков и др. Политические и правовые источники инвестиционных рисков в российских регионах (ИЭПП, СЕРРА, 2002). Анализ не включал в себя регионы со столичной рентой (Москва, Санкт-Петербург) или сверхвысокой долей сырьевой ренты (Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий округа).

рассмотрим наиболее опасные (в силу особенностей современного постиндустриального общества) технологии «отбора» вышеперечисленных ценностей.

В государстве, правительство которого ограничено законом и в состоянии выполнять такие государственные функции как поддержание закона и порядка, «бродячий бандит» в классическом виде не выживает. Исключения составляют ситуации, когда «бродячий бандит» может завоевать государство. Даже если функции собственно правоохранительных органов функции даются государству с трудом (например, Калифорния периода «Золотой лихорадки»), возможности насильственного перераспределения имущества весьма ограничены.

Результаты психологических исследований отношения людей к риску и неопределенности, полученные Канеманом и его коллегами²⁷, показывают «несоразмерно большую» склонность подавляющего большинства рыночных агентов инвестировать в защиту своей собственности. Это значит, что склонный к риску представитель меньшинства имеет выбор: использовать свою склонность и предприимчивость для удовлетворения потребностей окружающих или попытаться отобрать себе их собственность. При этом сопротивление свободных рыночных агентов будет достаточно эффективным, что обуславливается институциональными возможностями свободного человека в свободной стране (организовать силы правоохранительных органов, нанять охранную фирму, приобрести оружие и др.).

Однако, силу для обогащения с помощью перераспределением можно применять и не вынимая «меча из ножен». Наиболее распространенный способ – это использование в качестве «меча» всего государственного аппарата, а в качестве прикрытия – заботу о нуждающихся, защиту уязвимых, малоинформированных, слабых, больных, «неразумных» экономических агентов от всевозможных угроз.

Этот трюк лучше всего проходит с такими «прикрытиями» как: защита детей, женщин (смотри подробнее *Главу 10*), животных, национальные и иные меньшинства. Хороши и такие «прикрытия» как: защита природы (например «от всеобщего потепления»), защита от техногенных катастроф или иная деятельность, связанная с асимметрией информации. Все это весьма удачное поле деятельности такого рода групп, ведь за глобальностью проблем легко спрятать плохо обоснованные расходы.

Среди «наиболее нуждающихся» в защите нередко оказывались вполне богатые и сильные, например дружественные властям предприниматели. Среди последних часто

---

²⁷ Kahneman, Slovic, Tversky, 1982

заметны банкиры²⁸. Уже с конца XIX в. государство стало обещать, а впоследствии и оказывать, помощь неудачникам-предпринимателям под лозунгом борьбы за конкурентность рынков против монополий²⁹.

Чем шире круг лиц, нуждающихся «по неразумности» в защите, тем легче обосновывать регулятивное вмешательство, рост государственного аппарата, увеличение государственных страховых программ и др. расходов бюджета. Группы интересов могут включать не только бюрократом, но и бизнесменов, журналистов, политиков, гражданских активистов. Крупные государственные компании–монополисты также могут стать группой специальных интересов, несмотря на свою формальную подотчетность государству³⁰.

Механизм воздействия экспансии групп специальных интересов на экономический рост описан М. Олсоном³¹. Предположим, существует возможность перераспределительных действий «защиты потребителя» (ограниченно дееспособного). «Защита» осуществляется с помощью барьеров входа на рынок или регулирований. Такая возможность означает отсутствие запретительно высоких издержек принятия соответствующих решений. Эти решения обременяют большую часть рыночных агентов и дают выигрыш небольшой группе. Если группа сильно мотивирована (выигрыш достаточно большой), а большинство мотивированно слабо (потери каждого экономического агента от введения барьера малы), стимулы группы могут возобладать над интересами большинства. Меньшинство сильно мотивировано и не несет значимых издержек по координации действий. Большинство слабо мотивировано и в силу многочисленности и отсутствия прямых личных связей несет весьма значительные издержки координации. Если издержки координации большинства агентов превышают потери каждого из них, коалиция большинства не складывается. Следовательно, шанс на принятие решения, которое будет ущемлять большинство, становится реальным. Успех каждой группы специальных интересов стимулирует другие подобные группы пытаться продвигать свои проекты. Рост и накопление таких проектов (регулирование и перераспределения доходов) размывают стимулы стремления к успеху у остальных экономических агентов. Обычно среди участников таких групп встречаются относительно слабые предприниматели и заинтересованные в расширении сфер полномочий чиновники.

---

²⁸ Де Сото Х.У., 2008

²⁹ Арментано, 2006

³⁰ вспомнить примеры политической активности «Газпрома» во второй половине 1990-х годов

³¹ Olson, 1982; Олсон, 1994

Олсон отметил, что именно так и происходит в обычной ситуации. К факторам, способствующим формированию групп интересов (на примере США), он отнес, в частности, урбанизацию. При этом события, ведущие к разрушению государственных структур и, соответственно, к ослаблению связанных с ними групп специальных интересов, иногда могут снизить барьеры для экономической активности. Если рухнувшие институты замещаются аналогичными, и при этом не худшего качества, страна, даже пережившая войну и поражение, но избавившаяся от паразитизма групп специальных интересов, может заметно увеличить темпы экономического роста. Именно этим Олсон объясняет успехи Германии и Японии после Второй мировой войны и Южных штатов после Гражданской войны в США. Олсон и его коллеги определяют уровень влияния групп специальных интересов косвенно - через факторы, благоприятствующие или не благоприятствующие их росту. Затем проводится статистический анализ взаимосвязи средних темпов экономического роста в зависимости от факторов, влияющих на развитие групп специальных интересов. Статистическая зависимость оказывается отрицательной и значимой (чем лучше условия для роста групп специальных интересов, тем ниже темпы экономического роста).

К Главе 4 – Новые и старые стимулы к разбою

Кроме тех групп специальных интересов, которые занимаются перераспределением внутри страны, существуют организации и даже целые государства, занимающиеся перераспределением от богатых и/или слабых стран себе. В отличие от внутренних «бандитов», «внешние» – это, по Олсону, классические «бродячие бандиты». Никакого аргумента кроме насилия³² или обоснованной угрозы такового они не предлагают. Их цель – насилие, но попутно они выставляют унижительные требования и претендуют не просто на дань, а едва ли не на власть над богатейшими и сильнейшими державами современности.

Насильственное перераспределение собственности с использованием государственного аппарата было характерно для России на протяжении длительного периода ее истории (как и для большинства стран мира). Некоторые разновидности и технологии извлечения ренты путем насилия (или угроз применения насилия) являются в наше время универсальными для всех индустриальных и более или менее богатых стран.

---

³² Смысл которого для бандитов – сигнализировать о своей силе и обеспечить дальнейшие успехи: усилить власть над контролируемым, населением, запугать его.

В то же время, террор (или угрозы его применения) нередко является поводом для чиновников шантажируемой страны инициировать сбор средств не только для обороны, но и в оплату дани «бродячим бандитам».

Сама возможность получения доходов не созидательной деятельностью, а насильственным перераспределением, формирует систему стимулов, которая блокирует возможности долгосрочного экономического роста³³. Риски и угрозы человеческой жизни и свободе подрывают любые гарантии неприкосновенности частной собственности. Без последних, как признают практически все экономисты, устойчивый долгосрочный экономический рост невозможен.

Казалось бы, справиться с террористами легче, чем с защитниками «окружающей среды», «здоровья граждан» или «отечественного товаропроизводителя» внутри страны, потому что, в теории, террористов можно физически уничтожать или лишать свободы. Однако, терроризм уже многие десятилетия продолжает оставаться серьезнейшей угрозой. В *Главе 4* мы анализируем стимулы, возникающие у политических лидеров, журналистов, генералов и избирателей богатых демократических стран, к защите своей страны от внешней угрозы или стимулы к отказу от защиты.

Силовые (технические) возможности большинства старых демократий по борьбе с террором блокированы усилиями групп, которые заинтересованы в уплате дани «бродячим бандитам», а вовсе не в борьбе с террором. Мы обнаруживаем, что реакции всех игроков – лидеров террористов, политических лидеров демократических стран, журналистов, военных и избирателей вполне естественны при текущем состоянии институтов. Во многих странах с молодой демократией неререформированность и коррумпированность армии и правоохранительных органов препятствуют эффективному подавлению террористических группировок.

Такое состояние политических институтов, которое создает стимулы у значительных общественных групп капитулировать перед иноземными «бродячими бандитами», не может быть признано удовлетворительным и нуждается в реформировании. Кризис морали - немаловажная составляющая кризиса, который приводит к неспособности современного государства поставлять «чистые общественные блага. В частности, кризис морали – это попытка вводить новые нормы, которые относят лидеров террористов к привилегированному меньшинству, подлежащему защите. Такого рода нормы активно продвигают и используют группы специальных интересов и «левые политики».

---

³³ (Мау, Яновский и др., 2003; Яновский, Затковецкий и др., 2005)

В главах, посвященных связи делового климата, идеологии и морали, истоков кризиса демократического государства и института всеобщего избирательного права, мы вернемся к теме неспособности современного государства поставлять «чистые общественные блага».

К Главе 5 – Эффективность и качество институтов финансовых рынков

М. Олсон³⁴ отмечал, что страны с хорошо защищенной частной собственностью и эффективными институтами управления имеют преимущества при обеспечении сложных, продолжительных транзакций с большим числом участников. Не случайно финансовый сектор «несоразмерно» высоко развит в странах со старыми и зарекомендовавшими себя в глазах собственников институтами.

В современных эмпирических исследованиях показывается, что страны с более развитыми институтами обладают большей устойчивостью к внешним шокам. Д. Родрик³⁵ продемонстрировал этот эффект в исследовании связи между качеством институтов и успешностью преодоления странами последствий «нефтяного шока» 1970-х годов. Результаты исследования таковы, что успешнее противостоять шоку и реализовать эффективную антикризисную стратегию удалось странам с эффективными институтами и сплоченными обществами. И, наоборот: неразвитые институты и наличие внутренних социальных конфликтов осложняли преодоление экономического кризиса.

«Сплоченность общества» измеряется самим фактом и продолжительностью наличия демократического режима³⁶. Именно такой режим, получающий одобрение избирателя на свою политику, на сбор налогов и на бюджетные расходы, может надеяться на лояльное отношение агентов-избирателей в период кризиса. Стимулы избирателя-налогоплательщика поддерживают способность власти балансировать бюджет и обеспечивать стабильность национальной валюты. Другим важным фактором, определяющим инфляцию является доверие рынка к денежным властям. Инфляция в правовом государстве, управляемом налогоплательщиками, воспринимается, кроме прочего, еще и как незаконный (не введенный парламентом) налог (не случайно, что в США и Великобритании в период демократии налогоплательщика периоды инфляции совпадают с периодами войн и цены долгосрочно стабильны).

---

³⁴ Olson, 2000

³⁵ Rodrik, 1999

³⁶ По критерию Пжеворского (Przeworski et al, 2000), см. Глава 1 и Приложение 1

Преимущество развитых финансовых рынков, однако, имеет и обратную сторону. Дезорганизация финансового рынка (в том числе в результате государственного вмешательства), чревата тяжелыми последствиями для реального сектора. Эти последствия наступают из-за падения доверия агентов друг к другу, так как важнейшей функцией финансовых рынков является информация об экономике в наиболее обобщенном и формализованном виде.

В настоящее время становится понятно, что безответственная финансовая политика, становится серьезным дестабилизирующим фактором, угрожающим экономике и обществу в целом. Под безответственной финансовой политикой понимается политика направленная на несоразмерную экономической ситуации денежную эмиссию или наращивание бюджетного дефицита, государственного и квазигосударственного³⁷ долга.

В связи с этим стоит вспомнить, что кризис Римской империи, начавшийся в III в. и, в конце концов, уничтоживший ее, совпал с массовой порчи монеты государством, и означал, вслед за этим, деградацию и прочих институтов (гражданства, профессиональной армии, предпринимательства и т.п.).

Процесс восстановления доверия к государству и к институтам финансового рынка, деформированным его вмешательством, процесс сложный и очень длительный. Общий рост недоверия и, соответственно, транзакционных издержек по всем сделкам может сказываться в течение долгосрочного периода после первоначального «обвала».

К Главе 6 – Рентные доходы: ресурсное проклятие и коррупция избирателей

Если у власти есть возможность получать неконтролируемые обществом доходы, то это дает ей большую свободу действий. Такие доходы не зависят ни от качества поставляемых общественных благ, ни от инвестиционного климата. Налогоплательщик при определённом уровне организации может попытаться навязать нуждающемуся в его деньгах правительству свои условия использования полученных ресурсов (и история показывает, что зачастую успешно). С собраний представителей тех, кто деньгами и вооруженной силой обеспечивал мощь государства³⁸, начиналась история многих современных парламентов.

Отсутствие у власти необходимости просить подданных о финансовой поддержке взамен на гарантии и привилегии делает силовое превосходство власти перед каждым

---

³⁷ Долга государственных компаний

³⁸ Его способность обеспечивать общественное благо «оборона».

рыночным агентом практически ничем не скомпенсированным³⁹. Если же доходы правительства позволяют подкупать граждан, то бесконтрольность властей в состоянии ослабить или даже уничтожить уже существующие институты демократии. Об ограничениях, способных обеспечить универсальные надежные гарантии для бизнеса независимо от воли властителя, в таких условиях не может быть и речи.

В период ресурсного изобилия страна во главе с щедрым правителем может казаться весьма привлекательным местом до тех пор, пока ресурсы не иссякнут, оставив за собой испорченные институты, ослабленные навыки самоуправления и рыночного предпринимательства.

В отдельных случаях правитель – «стационарный бандит» с добрыми намерениями и развитым здравым смыслом может предоставлять и поддерживать личные гарантии. Однако предположение Олсона⁴⁰ о том, что такие гарантии не отличаются надежностью, подтверждается многочисленными примерами из истории.

К Главе 7 – Иммиграция: условия выбора стратегии адаптации и стратегий избегания таковой

Современные подходы к иммиграционной политике в большинстве развитых стран усугубляют проблемы адаптации мигрантов. Затяжная дезадаптация иммигрантов (и даже их потомства) превращается как в регулярные проблемы с законом, так и в масштабные инциденты. Со временем дезадаптация иммигрантов нарастает, а ее локализация – расширяется.

Стимулы к поддержке неселективной и нетрудовой миграции есть у большей части бюрократов и у «левых политиков». При такой иммиграции большая часть иммигрантов становится объектами государственной помощи и управляемым электоратом. По сути, речь идет об импорте управляемого электората из стран без демократической традиции.

Сама по себе иммиграция не является неразрешимой проблемой при условии, что иммигрант принимает культуру, прежде всего правовую, и обычаи страны, в которую он приехал. Иммигрант или ассимилируется, или, в случае близости культур (эмиграция в США из Европы XIX – начала XX вв.), приспособливает свой культурный и правовой «багаж» к окружающей реальности.

Современный пример Канады и Австралии показывает, что механизм селективной иммиграции позволяет оптимально сочетать удовлетворение нужд рынка труда с

---

³⁹ Если только гражданин не располагает сопоставимой военной силой, что маловероятно.

⁴⁰ Olson, 2000

умеренными издержками адаптации новых граждан. Причем эти издержки адаптации умеренны и для них самих, и для их соседей, и для общества в целом.

В результате, в Канаде интересы иммигрантов достаточно быстро становятся неотличимыми от интересов местных жителей, что подтверждается статистикой голосований. Это тесно связано с политикой имущественного ценза. Ключевой момент этой политики в том, что предоставление гражданства неразрывно связано с приобретением недвижимости в Канаде, т.е. иммигрант не только способен что-либо заработать, но и оказывается в положении человека, которому есть что терять.

В случае же, если местные граждане воспринимаются как люди второго сорта, ситуация становится такой, какая все чаще наблюдается в крупных городах Западной Европы. Там, где иммигранты слишком «горды» своей культурой и религией, а местные граждане вынуждены финансировать их, страдает качество такого общественного блага, как «правовой порядок». Качество этого блага, поставляемого гражданам-налогоплательщикам, снижается, а издержки поставки растут. Так как качество плохо адаптированных мигрантов, как работников, сомнительно, то они улучшают ситуацию на рынке труда значительно меньше, чем принято полагать. Но в то же время получается, что они увеличивают социальные обязательства государства и обременяют работающее местное население. Местное население становится склонно продавать упавшее в цене жилье и переезжать в районы, менее насыщенные мигрантами, или даже эмигрировать в другие страны. Указанные негативные тенденции накладываются на низкую рождаемость, связанную с кризисом института семьи (что будет рассмотрено в *Главе 11*). Вместе они ведут к краху государственно-перераспределительных систем и к напряжению частных накопительных пенсионных систем.

Накапливающиеся проблемы с обеспечением правового порядка, напряжением рынка труда и старением населения угрожают экономическому росту в большинстве урбанизированных индустриальных стран, включая и старые демократии, и постсоциалистические страны с переходными экономиками.

К Главе 8 – Авторитаризм и передовой китайский опыт: ненадежность гарантий «стационарного бандита» на примере современного Китая

Экономический рост современного Китая впечатляет многих. Эта страна предлагается в качестве модели для подражания экономистами с совершенно

противоположными взглядами: от либертарианских (*Cato Institute*⁴¹, А. Илларионов⁴²) до этатистских (В. Попов⁴³). Такое единодушие усиливает впечатление, которое на проверку может оказаться обманчивым.

В этой главе авторы попытались показать, что:

- китайский экономический рост менее устойчив, чем кажется;
- власти страны, особенно в последние годы, совершают действия, подрывающие стабильность роста;
- феномен роста Китая, начиная с 1980-х годов, содержит гораздо меньше нового и поучительного, чем принято думать;
- сценарии высоких темпов экономического роста в долгосрочном периоде, при которых Китай сможет прочно занять позицию крупнейшей экономики мира, существуют, но их реализация маловероятна.

Феномен быстрого экономического роста с огромным притоком иностранных инвестиций и бурным ростом экспортоориентированного сектора, объясняется следующими основными факторами:

1. наличие дешевой рабочей силы в стране, где до сих пор процесс урбанизации в разгаре (немногим более 40% населения живут в городах). Подушевой ВВП Китая даже сейчас примерно в два раза ниже, чем душевой ВВП России, и на порядок ниже, чем подушевой ВВП США.
2. Возможность опираться на наиболее предприимчивых и трудолюбивых мигрантов, учитывая отмену запретов на запрещенные ранее взаимовыгодные сделки. (Они были легализованы лишь в 1970-1980-х гг.).

Ключевую роль для Китая сыграло прекращение массовых репрессий при легализации бизнеса, создании индивидуальных неформальных гарантий («крыш» в российской терминологии) для отечественных и иностранных предпринимателей. То есть предприниматель не лишался свободы и имущества только из-за воли властей, которая была не ограничена законом или какой-либо внутренней или внешней силой. Изменение политической ситуации вместе с накопленным запасом финансовой прочности создали соблазн усилить контроль над экономикой путем отказа от гарантий сначала для

---

⁴¹ *Cato Institute* (www.cato.org) настроен весьма оптимистично относительно перспектив продолжения китайского экономического чуда, роста китайского потенциала и значения этой страны как партнера (<http://www.freetrade.org/issues/china.html>).

⁴² http://www.libertarium.ru/l_ptchina_china

⁴³ Попов В. Пекинский консенсус // Коммерсантъ, № 162 (№ 3493), 1 сентября 2006; Попов В. Шок и рынок // Коммерсантъ, № 160 (№ 3491), 30 августа 2006.

отечественного бизнеса, а затем и для иностранного. Именно это и происходит сейчас: когда начались аресты не только предпринимателей – граждан Китая, но и предпринимателей-нерезидентов.

Множества запретов на сделки как в дореформенный период (т.е. до фактической легализации предпринимательства) больше не существует. Лучшая по качеству рабочая сила «выкачана» (или продолжает «выкачиваться из деревни в настоящее время), причем должного воспроизводства ее в городах не происходит из-за демографической политики властей. В то же время в деревне, где пресс демографической политики слабее, темпы прироста населения выше, а это снижает долю качественной рабочей силы на рынке.

Сценарий прекращения этой тенденции для стабилизации высоких темпов экономического роста на здоровой институциональной основе маловероятен. Накопленные финансовые резервы не позволяют и не позволят в среднесрочной перспективе понять ошибочность такой политики. На данный момент резервы позволяют замещать эффективные частные инвестиции государственными (или формально частными, но сделанными под давлением властей), и эта «подушка» блокирует понимание сложности ситуации властями. Это, в свою очередь, делает наиболее вероятным сценарий с дальнейшим ослаблением гарантий частному сектору, ростом государственной нагрузки на экономику и т.д.

К Главе 9 – Современные антикапиталистические идеологии

Идеология является эффективным средством координации коллективных действий. Даже при отсутствии законов она позволяет чиновникам, активистам гражданского общества и политикам эффективно взаимодействовать, продвигая и отстаивая свои интересы. Распространенная идеология снижает издержки восприятия такой точки зрения, которая на ней основывается. Господствующая идеология резко повышает издержки распространения альтернативных точек зрения, также повышаются издержки координации действий лиц, несогласных с господствующей идеологией. Поэтому доминирование единой идеологии создает ситуацию, в которой нет свободы слова и союзов.

Из-за такого идеологического доминирования происходит ослабление политической конкуренции, что влияет на гарантии частной собственности, а в конечном итоге, и на деловой климат.

Религия переплетается с идеологией, а потому также существенно влияет на поведение рыночных агентов и на их способность к кооперации. Идеология и религия воздействуют на выбор профессии и вида деятельности, на престиж и уважение к собственности, к предпринимательскому успеху, а следовательно, и на качественный состав предпринимателей. Также идеология и религия влияют на уровень доверия среди участников сделок, и, следовательно, на уровень транзакционных издержек.

Барро⁴⁴ показал, что религиозный фактор тесно связан со сложившимися политическими институтами. То же показывает и наш анализ⁴⁵. Очевидно, объединенное влияние идеологий и религий, негативно относящихся к личному успеху, не защищающих и не поддерживающих институт частной собственности, негативно и весьма значимо коррелирует с долгосрочными темпами экономического роста.

Именно в связи с этим анализ современных антикапиталистических доктрин – от современных разновидностей этатизма до исламского фундаментализма – актуален.

К Главе 10 – Закрытые демократии

«Усовершенствования» демократических механизмов принятия решений о поставке общественных благ за счет налогоплательщиков могут привести к тому же, что и авторитаризм. При этом традиция ограничения демократии также как и длительная традиция авторитаризма с трудом поддается коррекции.

Источником таких «усовершенствований» может быть природная рента (см. выше – *Главу 6*), регулярная внешняя экономическая помощь, «монополизация» СМИ, судебной системы и правоохранительных органов одной коалицией политических сил и групп интересов.

Есть ряд стран, в которых доминирование одной партии в течение определенных исторических периодов выглядело вполне явным: Япония (1955–1993 гг., фактически же – после короткого перерыва – по 2009 г.), Мексика (1929–2000 гг.), Италия (1947–1993 гг.), Швеция (1932–1976 гг. и 20 из 23 лет в период 1982–2005 гг.), Израиль (1948–1977 гг.), Индия (до 1977 г., 1980–1989 гг., 1991–1998 гг., т.е. фактически 46 лет из 50 страной правила одна группа), Ботсвана и т.п.

Тенденции ограничения конкуренции в СМИ посредством финансирования налогоплательщиком пропаганды позиции вполне определенных групп и коалиций

---

⁴⁴ Барро, 1999а; 1999б

⁴⁵ Яновский, Шульгин, 2008

(«левых», по нашему определению) являются международными и охватили ныне большинство демократических стран. При этом под словами «защиты» конкуренции может пониматься её ликвидация (например, как в Израиле, кампании против альтернативных общественным СМИ строятся на запугивании потребителя монополизацией вещания или печати частным капиталом).

Результаты таких действий аналогичны описанным выше – в *Главах 1 и 2*:

- ослабление политической и медийной конкуренции;
- ослабление вследствие этого гарантий прав собственности;
- снижение прозрачности государства, его ответственности и подотчетности избирателю, налогоплательщику;
- повышение возможностей извлечения ренты группами интересов и снижение возможностей (рост издержек) координации действий населения для защиты своих прав и законных интересов.

К Главе 11 – Кризис института семьи: причины болезни и лекарства

В данной *Главе* рассматриваются попытки воспроизвести в сфере семейных отношений этатистский эксперимент, который провалившийся в экономике. Этот эксперимент основан на допущении об особой информированности и добросовестности государства и на уверенности в праве государства вмешиваться в семейные дела, праве приоритетном в случае конфликта государства и семьи над правами родителей.

В рамках такого подхода государство осуществляет избыточное регулирование семейных отношений, что размывает личную ответственность родителей. Подрываются стимулы к созданию устойчивого семейного союза и рождению детей.

Речь идет о кризисе института семьи, причина которому - стимулы для супругов, родителей и детей, которые искусственно создаются новыми государственными институтами. Результат - ослабление семейных связей и падение рождаемости, которые ведут к ряду социально-экономических и политико-экономических последствий. Например, ослабление институтов, поддерживающих и защищающих права собственности, правовой порядок. Падение рождаемости, прежде всего у среднего класса, создает напряжение на рынке труда и обостряет проблему финансирования нетрудоспособного населения.

Воздействие кризиса семьи на экономический рост переплетается с импортом управляемого электората (современный механизм иммиграции, поддерживаемый

«левыми» политиками, который описан в *Главе 7*). Вместе они ведут к размыванию важной компоненты человеческого капитала, той, что обеспечивает способность рыночных агентов к кооперации в рамках договоров, политической и экономической конкуренции, политических компромиссов.

Семья – это институт, обеспечивающий естественную социализацию нового поколения, а в том числе, и передачу наиболее фундаментальных норм человеческого общежития и защиту этих норм наиболее «экономичным» и наименее насильственным способом. Проблемам, связанным со слабостью таких норм, с размыванием морали, посвящена *Глава 12* книги.

Прекратить политику «в интересах ребенка» необходимо не столько по экономическим, демографическим или политическим соображениям, сколько по моральным. Подстрекательство государством супругов друг против друга, детей – против родителей, соседей – становиться доносчиками на соседей – совершенно нетерпимо. Такая политика была бы неприемлемой и в том случае, если бы не размывала самые основы институтов, которые поддерживают доверие людей друг к другу в обществе.

Правда, именно апелляция к этике, нравственности и морали – это обычный инструмент «левых» политиков и бюрократов

К Главе 12 – «Ветхозаветная» мораль и «традиционная» семья

В этой *Главе* рассмотрены вопросы морали как фактора доверия в обществе, как важной компоненты «мягкой» (но на самом деле намного более устойчивой, чем «формальное законодательство») инфраструктуры, среды, в которой функционирует формальная правовая система. То есть мораль будет рассмотрена, прежде всего, как институт институтов. Мораль – это институт, который, если он находится в надлежащем состоянии, способен заметно повысить эффективность базовых институтов, включая институт частной собственности. На мораль часто ссылаются в политических и научных дискуссиях, в том числе и для пресечения или для установления искусственных границ и ограничений на свободу дискуссии. Поэтому вопросы морали будут затронуты и в связи с обоснованностью таких ограничений в научном контексте, и в связи с проблематикой общественного выбора.

Механизм воздействия морали на экономический рост сходен с механизмом воздействия на экономический рост идеологии и религии. Эффект от такого воздействия сложно поддается измерению. Как основа «мягкой» инфраструктуры, мораль повышает

доверие между рыночными агентами, как между непосредственно знакомыми агентами, так и незнакомыми, но придерживающихся общих взглядов на мораль лицами. Кроме того, мораль снижает издержки построения и реализации формальных институтов, которые защищают частную собственность, и институтов, дружественных рынку. Укоренение таких институтов приводит к снижению транзакционных издержек практически для любой сделки и резко повышает число потенциально выгодных контрактов. Количественные оценки возможны на большой выборке стран и на продолжительных (как минимум в несколько поколений) периодах. При этом проявления укорененности морали могут быть описаны (оценены) как логические переменные (наличие – отсутствие нормы). Например, наличие полномочий у государства разрешать семейные конфликты «в интересах ребенка», описывается наличием соответствующей социальной службы. Косвенно нормы морали могут быть оценены и статистически: по числу разводов, по рождаемости, по статистике благотворительности и добровольного труда (или даже по факту наличия такой статистики).

Вытеснение государством института семьи и морали общества в значительной мере связано с общим механизмом передачи ответственности индивида обществу и ответственности общества - государству. Государство заинтересовано в максимизации ресурсов и контроля. Максимизация контроля конфликтует с любыми ограничителями, самым мощным и устойчивым из которых является мораль. Основой «освобождения» индивида от ответственности и от морали являются стимулы, порождаемые институтом всеобщего избирательного права.

Укрепление универсальных моральных стандартов открывает дорогу к возвращению к демократии налогоплательщика, согласующей интересы разных групп ответственных и кооперативно мотивированных избирателей.

К Главе 13 – Восстановление демократии налогоплательщика

Принцип всеобщего избирательного права там, где он имеет смысл (в демократических странах), порождает множество стимулов к некооперативному («оппортунистическому») поведению.

Голосующий бюрократ находится в ситуации конфликта интересов: как добросовестный гражданин, он должен был бы поддерживать оптимальные уровни расходов на поставку определенных общественных благ, а как лицо, чье благосостояние и карьера зависят от объема расходов на поставку общественных благ, он заинтересован в

поддержке объемов и цен, заведомо превышающих оптимальные для большинства граждан уровни. Он заинтересован также в получении избыточных полномочий регулирования. Следовательно, добросовестный и просвещенный чиновник должен был бы сделать заявление о конфликте интересов и воздерживаться от голосования до отставки.

Многочисленную и растущую группу избирателей составляют «профессиональные» получатели пособий. Среди них все больше лиц, которые никогда не имели самостоятельных доходов от поставки товаров и услуг. Заметную группу избирателей составляют также иммигранты, прибывающие целенаправленно для получения таких пособий. Следовательно, лица, чей интерес связан с перераспределением ресурсов от налогоплательщиков в свою пользу, также не имеют морального права принимать решения, голосуя на выборах.

Это отчасти касается и предпринимателей, получающих основной доход из бюджета.

Это касается и работников СМИ и системы образования, заинтересованных в надежном и не зависящем от качества работы финансировании. Они требуют для себя бюджетного финансирования (или защищают таковое). Однако, они имеют полное право отстаивать свою позицию публично, но их право навязывать донорам бюджета свою позицию через голосование вызывает сомнение.

Совокупность описанных агентов (хотя этот список не полон) склонна «во имя общественного блага» заставлять силой доноров-налогоплательщиков оплачивать им безбедное существование.

Вспомним универсальный и вечно актуальный рецепт процветания от А. Смита – необременительные налоги и разумные законы. основываясь на нем, мы констатируем, что, всеобщее избирательное право продвигает общество к состоянию, в котором уровень налогообложения заведомо превышает оптимальный, равно как и уровень поставки смешанных общественных благ, а следовательно, к торможению темпов экономического роста. Этот тезис можно обосновать зависимостью темпов экономического роста от уровня налогообложения.

Другим обоснованием является историческая статистика балансов государственных бюджетов (динамика государственного долга) и инфляции (см. *Приложение 4* – история инфляции и бюджетного дефицита после введения всеобщего избирательного права). В эпоху до всеобщего избирательного права проблемы с финансированием были почти полностью связаны с военными или другими внешними шоками подобного масштаба. В

эпоху всеобщего избирательного права бюджетный дефицит, растущий государственный долг и инфляция стали нормой.

Заключение и выводы

Возможна более жесткая, зафиксированная в Конституции система ограничений на активность государства и прямых запретов на:

- поставку большинства смешанных общественных благ;
- бюджетный дефицит и инфляцию как незаконный налог;
- вмешательство в экономику;
- вмешательство в дела семьи исходя из презумпции всеведения и обладания государственных чиновников об истинном благе для детей;
- любую самостоятельную (в качестве игрока) активность на медиарынках, включая запрет принуждения к финансированию чужого мнения в любой форме;
- возвращение контроля над законодательной и исполнительной властью налогоплательщикам-избирателям.

Постепенное восстановление ослабленных институтов семьи и морали и ряд иных описанных в книге запретов и ограничений для государства могут ослабить остроту целого ряда хронических проблем современных рыночных демократий. Прежде всего, таких, как:

- кризис идентичности и размывание фундамента демократических конституций;
- ослабление и дестабилизация всей финансовой системы (угроза неконтролируемого роста бюджетных дефицитов и инфляции);
- старение населения и кризис пенсионных систем;
- ослабление гарантий частной собственности и ухудшение делового климата.

Прекращение описанных в книге практик поможет также восстановить притягательность идеала правовых рыночных демократий. Правовые рыночные демократии получат шанс восстановить свою способность притягивать людей, ищущих свободы и справедливости (как равенства перед законом), а не охотников за пособиями.

Источники:

1. Арментано Д. Антитраст против конкуренции. – М.: "Ирисен", 2006.
2. Гумбольдт В.фон «О пределах государственной деятельности» М.: «Социум», 2009.
3. Де Сото Х.У. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. – М.: «Социум», 2008.
4. Мау В., Жаворонков С., Яновский К. и др. Импортированные институты в странах с переходной экономикой: эффективность и издержки. Научные труды № 68. – М.: ИЭПП, 2003.
5. Мау В., Жаворонков С., Фомичев О., Яновский К. Ледерман Лью. Политические и правовые источники инвестиционных рисков в российских регионах. – М.: ИЭПП, СЕПРА, 2002.
6. Олсон Манкур. Скрытая тропа к процветающей экономике. Сборник под ред. Клагу К., Рауссера Г. Становление рыночной экономики в странах Восточной Европы. – М.: РГГУ, 1994, сс. 92-121.
7. Пайпс Р. Собственность и свобода. – М.: Московская школа политических исследований, 2000.
8. Пайпс Р. Я жил. Мемуары непримкнувшего. – М.: Московская школа политических исследований, 2005.
9. Яновский К., Затковецкий И., Шульгин С. и др. Политико-экономические аспекты борьбы с терроризмом. Научные труды № 82. – М.: ИЭПП, 2005.
10. Яновский К., Шульгин С. Институты, демократия и экономический рост: тест 180-летнего развития. // "Экономическая политика", № 3, Июнь 2008, сс. 57-75.
11. Barro R.J. Determinants of Economic Growth. – London: MIT Press, 1999a.
12. Barro R.J. Determinants of Democracy. // Journal of Political Economy, Vol. 107, № 6, Part 2, pp. S158-S183 (Seminar on the Economic Analysis of Social Behavior in Honor of Gary S. Becker) December 1999b.
13. Glaeser E.L. A. Shleifer. Legal Origins // Quarterly Journal of Economics November 2002, pp. 1193-1229.
14. Kahneman, D., Slovic, P., Tversky, A. (Eds.), 1982. Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. New York: Cambridge University Press.

15. Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread. Yale University Press, New Haven, Conn., 1966, pp. 1-16.
16. Locke John. Concerning civil government, second essay, (Первое издание). – Printed for Awnsham and John Churchill, at the *Black Swan* in *Pater-Noster-Row*, 1698.
<http://www.lonang.com/exlibris/locke/>
17. Maddison Mangus. The World Economy Historical Statistics. – Paris: OECD, 2003.
18. Maddison Mangus. The World Economy. A Millennial Perspective. – Paris: OECD, 2001.
19. Olson, M. The Rise and decline of nations. – Yale University Press,.1982.
20. Olson, Mancur. Power and Prosperity. Basic Books. – NY: 2000..
21. Przeworski A., Alvarez M. E., Cheibub J.A. Limongi F. Democracy and Development. Political institutions and Well-Being in the World. 1950-1990. Cambridge University Press, 2000.
22. Rodrik, D. Where did all the growth go? External shocks, social conflicts, and growth collapses. *Journal of Economic Growth* 4(4): 385-412, 1999.
23. Shleifer A., Glaeser E., La Porta R., López de Silanes, F. Do Institutions Cause Growth // *Journal of Economic Growth* 9:271-303. 2004.
24. Stigler George J. The Theory of Economic Regulation. *Bell Journal of Economics and Management Science* 2 no 1 (Spring 1971): 1-21.